

А. Ю. Жуков
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.)

Карелия как единое административно-территориальное пространство появилась только в XX в. Долгий процесс ее становления в нынешних границах связан не только с множеством решений верховной власти, но и с непростым ходом внутреннего развития. В своей основе первые границы размежевали зоны освоения этого древнего саамского края карелами, вепсами и русскими сообразно природно-географическим особенностям территории. Наша задача состоит в выявлении степени зависимости административного внутреннего разграничения Карелии, приграничного размежевания со Швецией от хода и характера освоения крестьянами ее земель.

Широкая проблематика становления Карелии рассматривалась различными исследователями на материалах как прибалтийско-финских народов, так и русских¹. Особенно подробно крестьянское освоение земель между Онежским озером и Белым морем на примере поселенческой структуры в XV–XVII вв. проследили М. В. Витов и И. В. Власова. На топонимическом материале Прионежья и Присвирья И. И. Муллонен выявила первичные водные границы размежевания старинного Важинского погоста и его соседей². Историографическая ситуация помогает в определении значения природно-географического фактора при формировании Карелии и ее границ.

Территория Карелии – это водораздельная область двух великих водных бассейнов планеты – Атлантического и Ледовитого океанов. Данное обстоятельство всего лишь объясняет общий принцип действия природно-географического фактора. В реальности первичное освоение края карелами, вепсами и русскими шло не по водоразделу, а с западного и юго-восточного Приладожья, из Присвирья и южного Прионежья. Вепсы осваивали бассейн Онежского озера, а карелы перевалили через центральный и северный участки водораздела, заняв реки, текущие в Белое море и в Ботнический залив Балтики. Поэтому формирование Карелии в ее внешних и особенно внутренних границах происходило под воздействием другого естественно-географического фактора – фактора

членения обширной водораздельной территории на несколько водных бассейнов. Именно с ними принципиально совпадают первые административные единицы и границы Карелии.

Корельская земля Великого Новгорода состояла из трех частей: Передняя Корела, Задняя Корела и Дикая Лопь. Передняя Корела занимала бассейн р. Вуоксы. Изначально Вуокса текла из Ладоги и, вобрав по пути сток Сайменских озер, впадала в Финский залив у Выборга. Лишь в XIV–XV вв. вследствие произошедшего поднятия северной части дна Ладоги Вуокса превратилась в две реки, разделенные образовавшимся водоразделом. Южная река по-прежнему впадала в Балтику, а северная Вуокса, под названием *Узерва*, потекла в Ладогу. Единство территории Передней Корелы было нарушено шведской агрессией конца XIII в., когда выборгское устье Вуоксы было завоевано Швецией. Удержать всю реку шведам не удалось, в 1295/96 г. они были выбиты из Кякисалми у ладожского истока Вуоксы, и тут в 1310 г. Новгород поставил крепость Корелу – центр управления всей Корельской землей³.

Область Задняя Корела более обширна: она простиралась от волости Китяга (ныне Ките, Финляндия) на западе и перевары Пельгиярвской (на оз. Пиелинен, Финляндия) на северо-западе и далее на восток вдоль побережья Ладоги до Соломенского погоста (Салми), с границей за р. Яной (ныне р. Эняйоки) – т. е. до водораздела с бассейном р. Видлицы, который принадлежал тогда еще вепсскому Олонецкому погосту⁴. В Задней Кореле не имелось большой реки, за которую крестьяне могли бы «зацепиться», поэтому здесь базой освоения стал весь северо-западный бассейн Ладоги, т. е. множество его небольших рек, текущих от Балтийско-Беломорского водораздела, вдоль которого и формировалась северная природно-географическая граница Задней Корелы. Именно поэтому область Задняя Корела составляла относительное территориальное единство в пределах Корельской земли. Впрочем, и Передняя Корела, и Задняя Корела, где проживало абсолютное большинство карелов, являлись общей зоной формирования карельской народности. Очевидно, что население данной двуединой территории и отметил летописец, когда писал о крещении карелов в 1227 г.: «Князь Ярославъ Всеволодичъ пославъ крести множество Корел, мало не все люди»⁵.

Крещение карелов привело к появлению на карте Карелии *погостов* – низовых единиц административно-территориального деления. Погосты объединяли окрестных жителей не только в административно-судебном и фискальном плане, но и как прихожан главной погостской церкви. Место, где стоял храм, также называлось *погостом*. Так, город Корела занял Воскресенский погост-место, поэтому сам погост-район именовался Вос-

кресенским Городенским. Большинство деревень погоста и дворов в городе находились на территории Передней Корелы, но поселения, располагавшиеся севернее бассейна р. Вуоксы-Узервы (а в городе – дворы на северном берегу реки), помечались в переписях как деревни и городские дворы в Задней Кореле⁶. Налицо принципиальная нестыковка государственно-церковного разграничения на погосты и деления на две части приладожской Карелии. Следовательно, появление Передней Корелы и Задней Корелы произошло до 1227 г. При этом оба наименования однозначно указывают на связь с Новгородом: Передней Корелой названа ближняя к Новгороду область, а Задней Корелой – находившаяся за ней зона колонизации. Поскольку русские летописи фиксируют активные военнополитические связи карелов с Новгородской республикой начиная с 1140-х гг.⁷, середина XII в. примерно и маркирует становление этих первичных (до Крещения карелов) административных областей и их границ. Эти границы совпадают с очертаниями двух бассейновых территорий – р. Вуоксы и северо-западного Приладожья – двух зон, различных по степени крестьянского освоения.

Впрочем, деление на погосты и способ их размежевания также наполнены смыслом. В отличие от бассейнового выделения двух частей Приладожской Карелии, погосты объединяли не территории, а крестьянские общины. Поэтому и границы смежных погостов являлись границами соседних общин. В доказательство укажем на разграничение Воскресенского Городенского погоста и находившегося к югу от него Михайловского Сакульского – по озеру *Святозеро* – Pühäjärvi; поэтому, например, сакульская Святская община-перевара занимала только южный берег озера. В целом здесь проявился тот же восходящий к первобытным временам способ разграничения, что и при размежевании с помощью водных «святых межей» вепских общин Важинского погоста от смежных погостов и их общин⁸.

Очевидно, способ размежевания Городенского и Сакульского погостов указывает на то, что первые погосты объединяли в приходы реально существовавшие на момент Крещения некие единства (например, племенные группы). Во всяком случае, никаких «святых межей» внутри погостов переписи не отметили. Все «межи» располагались на границах погостов. Ведь известно, что природные границы были характерны для территорий расселения первобытных племен, в том числе прибалто-финнов. Поэтому, кстати, свое Pühäjärvi – «Святозеро» разграничивало Кирьяжский погост, его Соральскую, а также Лапилакшскую и Сошковскую перевары с селениями «на Святском озере» и «на Угониме» (Укониemi, Финляндия) от Сердовольского погоста, его волости Китяга (Ките) и перевар Островской,

Рекальской, Лахтинской с селениями в Вяртсиле и у оз. Янисъярви⁹. В Восточной Приботнии р. Pühäjoki – «Святая река» – размежевала северные зоны колонизации карелов и финнов. Граница между Новгородской республикой и Швецией по Ореховецкому миру 1323 г. лишь узаконила эти зоны на межгосударственном юридическом уровне, но сложились они еще в недрах догосударственных этно-племенных сообществ, которые придерживались норм обычного права. Данное право обычая и признал Новгород, когда разделял приладожскую Карелию на погосты сообразно имевшимся между местными общностями «святым межам».

За границами густонаселенного берега Ладоги оставалась территория, которая даже в XV в. еще была слабо освоена. Прежде всего, это Иломанский и Соломенский погосты. Анализ данных Писцовой книги Корельского уезда 1500 г. показывает, что они испытывали прилив переселенцев в последнюю четверть XV в. В Иломанском погосте на 6% выросло число тягловцев и на 38% – количество новых деревень; в Соломенском погосте эти цифры составляют соответственно 9 и 33%¹⁰. Прослеживаются два главных направления миграции карелов: на север, через Иломанси в Лопские погосты и далее к Белому морю, и через Салми на восток – на земли освоенных вёсю Олонца и Прионежья. Как результат, в Беломорской Карелии в XVI–XVIII вв. сложилась группа северных, или собственно карелов, а на востоке к XVIII в. сформировались карелы-ливвики и карелы-людики в Прионежье¹¹.

Из земель Передней Корелы и Задней Корелы в 1500 г. Иван III образовал Корельский уезд. Административное развитие уезда продолжалось вплоть до завоевания его Швецией в 1610/11 г. Прежде всего оно было связано с постоянной миграцией карелов на север и восток. Так в Карелии появилась Ребольская волость – самая северная оконечность Иломанского погоста Корельского уезда (а вовсе не Лопских погостов Новгородского уезда, как иногда показывается на картах)¹². Западная граница Ребольской волости шла по государственной границе России; за ней лежала область Кайнуу шведской Финляндии. Иломанский погост с Реболами принадлежал бассейну Финского залива (через Ладожское озеро), а Кайнуу – бассейну Ботнического залива Балтики. Их разграничивал природный водораздел гряда Суоменселькя. Юридически же Иломанский погост с Реболами впервые подверглись четкому пограничному размежеванию со Швецией по условиям Тявзинского мира 1592 г.¹³

«Естественно-природной» являлась и восточная граница Ребольской волости по водораздельной Западно-Карельской возвышенности. С востока к ней подходили Лопские погосты: Селецкий, Паданский и Ругозерский (верховья рек Суны, Воломы и Чирки-Кеми)¹⁴. По возвышенности

ребольцы продвигались на север и в XVII в. там образовались Ребольские волостки Ровкула, Кимасозеро, Костомукса и др.¹⁵ При пограничном размежевании со Швецией около 1620/21 гг. Москва включила все Ребольские волостки в состав Кольского уезда, оторвав их от бывшего Корельского уезда, отошедшего Швеции по Столбовскому миру 1617 г.¹⁶ Сам Кольский уезд возник в 1582 г., объединив саамские земли Кольского полуострова и приполярную Карелию (в том числе волость Кереть на Белом море). Саами, жившие южнее, у Ребол и Ровкулы, тоже попали под власть воевод Колы¹⁷.

Аналогично дело обстояло и на северо-востоке Задней Корелы, где карельские крестьяне перешли водораздел Ладожского и Онежского озер. Об успехах крестьянского освоения данного района в XVI – начале XVII в. свидетельствует «Межевая запись» от 3 августа 1621 г. – официальное описание новой русско-шведской границы¹⁸. Саму линию границы на местности определяли не послы от обоих государств, а местные крестьяне – «по сыску и старожилцовым скаскам вправду, как истари бывали», поскольку прежде всего она разграничивала деревенские и волостные угодья, которые теперь «разлучались» между государствами. В начале шла «межа» Соломенского и Олонецкого погостов – старинная административная черта, которая существовала еще при власти Великого Новгорода: от «Варачева камня» у берега Ладоги до Пизема-ламбы. А далее документ фиксировал целый ряд новых волостей-выставок, которые сложились в XVI – начале XVII в. С Пизема-ламбы начинались земли новой *Шуйстамской выставки* (Суйстамской волости) Сердовольского погоста с *Тулмозерской волостью* Олонецкого. Другими словами, сердовольские крестьяне создали новую волость в составе Сердовольского погоста, выйдя к олонейской «меже». С другой стороны лежала Тулмозерская волость, о которой «письмо» 1563 г. сообщило, что карелы-переселенцы из Салми основали здесь несколько десятков деревенок и образовали новую волость с церковью¹⁹. Далее, с Курдоман-сельги начинался Хюрсюльский выступ – владения дальних сердовольских деревень Кайбонаволок (Кайпа, г. Суоярви) и Гулсюла (Хюрсюля) с олонейскими Тулмозерской и *Сямозерской* волостями. Затем размежевалась *Шуезерская выставка* (Суоярви) сначала с олонейской Сямозерской волостью, а потом с Лопскими погостами – с Линдозерским погостом и Поросозерской волостью Селецкого погоста. Наконец, начиная с озера Ладва-ярви граница разделяла уже Иломанский погост с лопским Селецким погостом и Ребольской волостью Кольского уезда. Здесь на северном иломанском участке порубежные крестьяне провели границу так, чтобы она проходила на равном расстоянии от их деревень и пустошей²⁰. Тем самым **поровну**

разделялись лесные угодья, в которых велась хозяйственная деятельность, видимо, чтобы никому не было обидно. Сложение в XVI – начале XVII в. «выставок»-волостей и их границ в составе старинных районов-погостов доказывает факт интенсивного внутреннего крестьянского освоения широкой полосы северного Приладожья и водораздельной территории, подходившей к ней со стороны Онежского озера и Белого моря.

Лопские погосты сформировались не ранее XV в. При этом внутренняя структура южных погостов «Дикой Лопи» напоминала внутреннее разграничение Приладожской Карелии: здесь земли и угодья делились между общинами-переварами и «концами» – группами дворов. Видимо, они сложились в основном еще при власти Великого Новгорода. Средняя и северная части Лопи (погосты Селецкий, Паданский, Ругозерский, Шуеозерский, Панозерский и волости Кемская и Шуерецкая) принадлежали бассейну Белого моря. С запада Лопские погосты отделялись природной границей водораздела и с Реболами, и со шведской Восточной Приботнией. Тогда Ботнический залив Балтики по-русски назывался *Каяно море*, поэтому государственная граница именовалась *Каянским рубежом*; в XV – середине XVI в. он являлся и западным пределом Кемской волости²¹. Когда в 1592 г. волость стала ядром нового административного округа Соловецкого монастыря, то ее граница отодвинулась на восток к Войнице. В 1613 г. к Соловецкому округу была присоединена Шуерецкая волость. Саамские же земли в полосе от государственной границы до бассейна оз. Пяозеро и линии Войница – Софпорог вошли в Кольский уезд²². Остальные Лопские погосты остались в Новгородском уезде, образованном в 1478 г. В его состав входили и Заонежские погосты.

Заонежские погосты и, соответственно, их разграничение берут свое начало в *Обонежском ряде* середины XIII в. В 1259 г. великий князь Александр Ярославович Невский заключил соглашение-«ряд» с Новгородом по поводу выплат ордынской дани и посадил на новгородский стол своего сына Дмитрия (княжил в 1259–1263 гг.)²³. «Ряд» сложился на основе компромисса: новгородский князь отказался от управления Подвиньем и взамен получил в «корм» Обонежье (области вепсского Присвирья и Олонца) и Бежицы. Тогда данные области и возникли в качестве особых княжеских административных округов²⁴. Наконец, опираясь на данный «ряд», новгородский архиепископ заключил два специальных «ряда» с князем Дмитрием по поводу отчислений церковной десятины с княжеских доходов как с Присвирья и Олонца, так и с Бежецкой волости – эти договоры и получили названия «Обонезьский ряд» и «Бежецкий ряд»²⁵. Как видим, оба этих *ряда* – не территории, а соглашения, но по традиции под ними понимаются

именно административные области, возникшие в 1259 г. В новгородской административно-территориальной системе Северное Обонежье с Присвирьем составляли северную половину Обонежской тысячи Новгородской земли. По московской же системе с 1496/97 и по 1680-е гг. данные земли объединялись в Заонежские погосты Заонежской половины Обонежской пятины. Ранее, в новгородское время, погосты самого княжеского «Обонежского ряда» Обонежской тысячи занимали только южное и среднее Присвирье (видимо, по бассейн р. Важинки) и Олонецкую низменность. Когда в 1434 г. наместник великого князя продал право на суд в Обонежском ряде новгородцам, то данный округ по-прежнему занимал эту территорию²⁶. Иными словами, на вновь возникшие погосты северного Обонежья, т. е. на абсолютное большинство погостов вокруг Онежского озера и Выгозера, Обонежский ряд не распространялся даже к середине XV в. Заslugа в основании погостов принадлежит прежде всего крестьянам.

В середине XIII в. в северном Обонежье еще не было погостов. Прибрежная полоса Онежского озера активно осваивалась весью и русскими, одновременно там формировались общие для них часовенные приходы²⁷. По нашему мнению, первые русские крестьяне пришли в Северное Обонежье в годы жестоких неурожаяев конца 1220-х – начала 1230-х гг. в Новгородской и Псковской землях, усугубленных политическим конфликтом Новгорода со своим князем. Тогда тысячи подданных Новгорода разошлись в разные концы и не возвратились назад²⁸. Вепские и русские переселенцы стали осваивать Обонежье без помощи государства и сами создали первые межобщинные границы. Одна из главных разграничила Толвуйский и Шунгский погосты вдоль длинного залива Святуха («святая межа»), который пересекает полуостров с северо-востока на юго-запад. Северная же граница Шунгского погоста с Выгозерским погостом проходила по Балтийско-Беломорскому водоразделу.

Имеется интереснейший по содержанию документ от 1375 г. – «Мировая» жителей Имоченского погоста с челмужским боярином Григорием²⁹. Сам погост располагался на Ояти, но его колонизируемые земли, оказывается, занимали восток Заонежского полуострова: Шуньгу, Толвую и Кузаранду. В соглашении, однако, речь шла о имоченских землях на восточном берегу Повенецкой губы между Челмужами и Шалой – это будущая Песчанская волость XVII в. Будучи соглашением публично-правового характера, данный документ вполне пригоден для сравнительного анализа с другим публично-правовым актом – Ореховецким мирным договором 1323 г. между Новгородом и Швецией, который устанавливал иную, государственную границу³⁰. Сравнение обоих источников позволяет выявить степень правомочности крестьянской общины, ее самоуправления на уровне погоста и «встроенности»

обычного права в политико-правовое пространство. В конечном итоге оно проясняет соотношение «община и государство» в деле формирования внутренних границ Карелии.

Итак, оба документа начинаются с представления, в котором скрупулезно перечислены участники заключения обоих договоров. Следующая клаузула описывает их суть. В 1323 г. «докончали есмы мирь вечный», т. е. послы заключили мирный договор, а в акте 1375 г. – стороны «докончаша мирь... мирь взяли». Третьей клаузулой объявлялись причины конфликта и его прекращения: Ореховецкий мир прекращал войну из-за Корельской земли «по любви» – компромиссному признанию трех западных карельских погостов за Швецией, а имоченцы спорили с боярином из-за земель в Чельмужском погосте и тоже «урядили» (пришли к *ряду*-компромиссу). Далее оба документа раскрывают конкретное содержание своих договорных условий. Корельской земле стороны дали «розвод и межу», – и следует описание линии государственной границы. Аналогичным образом вымоченцы с боярином установили «межу», которую источник 1375 г. и описывает. Наконец, мир 1323 г. перечисляет частные владения карельской знати в карельских погостах на шведской стороне приграничья, запрещая шведам претендовать на них: «а то все к Новгороду». «Мировая» же вымоченцев объявляла находящиеся за пределами «межи» земли и воды собственностью боярина Григория и его сыновей. Конечно, ситуации различны, но формуляры двух публично-правовых актов поразительно схожи. Оба соглашения описываются в едином юридическом терминологическом ключе (*мир, межа, земля и вода, докончати*), более того, их клаузулы даже имеют одинаковый порядок следования друг за другом.

Сравнительный анализ двух не связанных между собой источников показал, что в Новгородской республике даже отдельные, отдаленные от столицы общины существовали в едином с государством политико-правовом пространстве, а общинное право обычая было искусно вплетено в юридическую систему законодательства. Данный порядок не поколебало даже вотчинное вторжение в Обонежье новгородской знати (вторая половина XIV – первая треть XV в.), когда, судя по «Данной скотников и помужников Толвуйской земли»³¹, распоряжение землями перешло к вотчинникам и к новгородским управителям. Впрочем, на уровне погоста, между собой, местные общины также имели право на распоряжение землями, о чем говорит «Данная» середины 1470-х–1480-х гг. старосты Шунгского погоста и всех шунжан о наделении своей церкви св. Николая выморочной землей³².

Конечно, московское «взятье Новагорода» в 1478 г. принесло значительные изменения в административно-территориальное устройство се-

верного Обонежья. Образовалась общность Заонежских погостов в составе Новгородского уезда. Округ включил погосты бывшего Обонежского ряда, побережье Онежского озера и Выгозера, а также Поморский берег Белого моря³³. Затем в 1584 г. из черносошных земель Заонежских погостов был создан дворцовый округ под управлением приказчика из приказа Большого Дворца, но подотчетного Новгороду. Тогда погосты впервые обрели общий центр управления на всей территории – селение Ошту, и как раз с 1580-х гг. утвердилось обобщенное наименование всех жителей погостов – заонежцы³⁴. В 1592 г. волости Выгозерского погоста от устья р. Выг до Колежмы и Унежмы перешли в округ Соловецкого монастыря. А в 1620-х гг. сам дворцовый округ был преобразован в Оштинское воеводство Новгородского уезда. В середине 1640-х гг. пост Оштинских воевод отменили, как и упразднили старинную вотчину новгородского митрополита на восточном берегу Ладоги, протянувшуюся от устья р. Свири и р. Обжи и низовий Олонки до р. Видлицы и далее через Ведлозеро на Сязозеро, т. е. вдоль всей административной границы с приладожской Корельской землей. В 1649 г. Заонежские и Лопские погосты, а также бывшая олонецкая вотчина новгородского митрополита вошли во вновь образованный Олонецкий уезд с центром в городе Олонце³⁵.

Несмотря на все эти административные реформы, коренное право погостского самоуправления во владении землями и регулировании вопроса о размежевании оставалось за общинами вплоть до конца XVII в. Поэтому, как только возникали земельные тяжбы, государство в обязательном порядке привлекало старост и старожильцев заинтересованных сторон и их соседей в определении «межи» между спорщиками. При размежевании спорных земель только наличие «вставших на межу» крестьян делало данную административно-судебную процедуру законной³⁶. Соответственно, нежелание крестьян соседних погостов четко размежевывать свои территории останавливало государственных управленцев перед разделом общинных земель и лесных угодий по своему усмотрению. Например, между землями олончан, святозерцев Важинского погоста, жителей Шуйского и Кижского погостов в течение веков не имелось четкого разграничения, поскольку они использовали смежные лесные угодья для подсеки и сенокоса по принципу «кто где поспел». Данный порядок закреплял обычное право их вепских предков-первопоселенцев, которые в XIII–XV вв. осваивали Онежско-Ладожское межозерье. Государевы писцы и в XVI, и в XVII вв. официально признали эту сложившуюся со времен Великого Новгорода традицию общинного природопользования, констатируя, что между погостами нет четкой границы, так как крестьянами смежных общин лес «не делен», и

распределения писцами сенокосов между деревнями они «не хотят», предпочитая сами ежегодно «ровнять» подсеку и сенокосы³⁷.

Владение крестьянином землями и угодьями основывалось на его принадлежности к данной деревне, общине, погосту. Государство полностью признавало этот факт. Вот почему, когда перед карелами в 1621 г. встал вопрос о «разлучении» их земель в силу пограничного размежевания, жители Иломанского погоста и их соседи решили разделить лесные угодья между своими деревнями поровну, а послы России и Швеции признали проведенную крестьянами линию государственной границы, скрупулезно зафиксировав на бумаге равные расстояния в верстах до пограничной черты между стоящими напротив друг друга пограничными деревнями.

Итак, в основе формирования границ Карелии лежало крестьянско-общинное освоение края карелами, вепсами и русскими. Чем успешнее происходило освоение, тем быстрее возникали новые этнотерриториальные и этнолокальные общности и, соответственно, размежевание между ними. Поскольку основными путями передвижения долгие века оставались водные трассы, то и освоение земель шло сообразно природному делению края на водные бассейны, и границы между возникавшими общностями в целом придерживались линий водоразделов. Так как общинное обычное право оказалось «встроенным» в общегосударственное законодательство, то и возникавшие границы между общинами, погостами, административными областями и даже государствами узаконивались и поддерживались властями всех уровней. Поэтому при создании административных областей и при их разграничении государство – и Великий Новгород, и Московская держава – следовало двум главным критериям: во-первых, объединение в единые административные единицы различных общностей, сложившихся в ходе крестьянского освоения, и, во-вторых, разграничение их в соответствии с естественно-природным фактором членения обширной водораздельной территории между Балтийским и Белым морями на более локальные водные озерно-речные бассейны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 257–302, 303–416; Прибалтийско-финские народы России / Серия «Народы и культуры». М., 2003. С. 160–467; Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 158–301.

² Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962; Витов М. В., Власова И. В. География

сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974; Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

³ История Карелии... С. 92–93.

⁴ Переписная окладная книга по Новгороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы [Далее – ПК 1500 г.]. С. 120–188.

⁵ Полное Собрание русских летописей [Далее – ПСРЛ]. М., 2001. Т. I. Лаврентьевская летопись. Стб. 449.

⁶ ПК 1500 г. С. 2–3, 9–10, 15, 19, 21–22, 26–27, 29–31.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 27, 39, 213, 230; Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. М., 2001. С. 45; Ермолинская летопись // ПСРЛ. М., 2004. Т. XXIII. С. 35 (сообщения русских летописей под 1143/44, 1148/49, 1149/50, 1191/92 гг.).

⁸ Муллонен И. И. Указ. соч. С. 145–152.

⁹ ПК 1500 г. С. 128–133, 143–156. И ныне по оз. Пюхьяярви проходит госграница России с Финляндией.

¹⁰ ПК 1500 г. С. 1–188 (разница численности между «старым письмом» 1480-х гг. и «новым письмом» 1500 г.).

¹¹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 31–40; Беляев А. А. Языковые явления, определяющие границы диалектов и говоров карельского языка в Карельской АССР // Труды Кар. Филиала АН СССР. Вып. 12. Петрозаводск, 1958. С. 60.

¹² Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 372–396; Платежная книга Корельского уезда 1571 г. / Manttaledh aff Kexholms Lhänn pro Anno 1590 // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 265–283. Карту-схему см. в конце данного издания: Реболы показаны частью Лопских погостов.

¹³ Тявзинский мирный договор от 16 мая 1595 г. и три списка русско-шведской границы 1595–1596 гг. // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1840. № 9. С. 342–378. Общую карту-схему передвижений новгородско(российско)-шведской границы в XIV–XVI вв. см.: Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. I–II. Helsinki, 1976. II. Karjala taistelukenttana.

¹⁴ История Карелии в документах... С. 186–233. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г.

¹⁵ Российский архив древних актов [Далее – РГАДА], ф. 1209, оп. Поместный приказ, д. 15056. Переписная книга Кольского уезда 1678 г., л. 97 об.–155 об. (перепись Ребольских волосток).

¹⁶ Жуков А. Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: Сб. ст. к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 36.

¹⁷ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 94–95.

¹⁸ РГАДА, ф. 96. Сношения со Швециею, оп. 3, д. 34, л. 27–46.

¹⁹ Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // *Материалы по истории народов СССР*. Л., 1930. Вып. 1. С. 71–73.

²⁰ РГАДА, ф. 96, оп. 3, д. 34, л. 44–46.

²¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 [Далее – ГВНП]. С. 67–68 (№ 38); Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 112 (№ 286). О «Каянском рубеже» см.: Северные грамоты XV в. / Сост. Н. С. Чаев // *Летопись занятий археографической комиссией за 1927–1928 гг.* Л., 1929. Вып. 35. С. 149–150 (купчая, до 1478 г.); *Собрание государственных грамот и договоров*. М., 1813. Т. I. С. 436–437 (Жалованная грамота 1530 г. Василия III кемлянам и шуеречанам).

²² *Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов*. Петрозаводск, 1941. С. 236 (из «Отдельной записи» Семена Юренева Соловецкому монастырю на земли в Кемской и Подужемской волостях, 1591 г.).

²³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 475; Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. С. 92; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. С. 82–83, 310–311; Тверская летопись // ПСРЛ. Т. XV. Стб. 401.

²⁴ ГВНП. № 3. [1268 г.] Договорная грамота Новгорода с князем Ярославом Ярославичем; Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 149–150.

²⁵ *Памятники русского права*. М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. С. 118.

²⁶ ГВНП. С. 149 (№ 93). Датирована 1434 г., позднее 29 июня (Петрова дня).

²⁷ На время начала крестьянского освоения Заонежья указывает лингвистический анализ местных русских говоров. Они возникли из древневепского говора р. Ояти (южное Присвирье) и из нерасчлененного новгородско-псковского диалекта древнерусского языка, а расчленение это на отдельные псковский и новгородский диалекты происходило во второй трети XIII в. (см.: Герд А. С.: 1) Русские говоры бассейна реки Ояти // *Очерки по лексике северорусских говоров*. Вологда, 1975. С. 188–194; 2) К истории образования говоров Заонежья // *Северорусские говоры*. Л., 1979. Вып. 3. С. 206–211; Зализняк А. А. Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 г.) // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 218; Муллонен И. И. Указ. соч. С. 35–36, 134).

²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 512; Т. III. С. 68, 69, 274, 277; Т. XV. Стб. 351–352, 356.

²⁹ ГВНП. С. 285 (№ 284).

³⁰ ГВНП. С. 67–68 (№ 38).

³¹ ГВНП. С. 147 (№ 90), 1415–1421 гг.; В. Л. Янин датирует 1435–1437 гг. (Янин В. Л. Указ. соч. С. 244–245).

³² ГВНП. С. 309–310 (№ 323). Датировка: Янин В. Л. Указ. соч. С. 268.

³³ *История Карелии...* С. 98–99.

³⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Пг., 1917. Т. 35. Архив П. М. Строева. Т. 2. С. 7–9; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. С. 294–299; Материалы по истории Карелии... С. 316.

³⁵ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. С. 104–148.

³⁶ Жуков А. Ю. Правовая культура в традиционном самоуправлении крестьянства Северной России (на примере Карелии в конце XV – начале XVII в.) // Рябининские чтения – 2007. Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера (Петрозаводск, 17–21 сентября 2007 г.). Петрозаводск, 2007. С. 39–43.

³⁷ Жуков А. Ю. Традиционное природопользование крестьян западного Прионежья (на примере Шуйского погоста в XIII–XVII вв.) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 211–217.